

ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ

Геролд БЕЛЬГЕР
Плетенье чепухи
(из 9-ой тетради)

Вспомнил вдруг сегодня: жили-были сравнительно не так давно философ Михаил Лифшиц и литературовед-критик Александр Дымшиц. Последний одно время возглавлял комиссию по собственно-немецкой литературе при Союзе писателей СССР. Я был членом этой Комиссии и, понятно, в какой-то мере общался с профессором Дымшицем. Должен, однако, сказать, что о литературе российских немцев он имел весьма поверхностное представление, что его, в общем-то, ничуть не смущало.

В «Вопросах философии», «Вопросах истории» и «Вопросах литературы» Лифшиц и Дымшиц вели нескончаемую полемику о марксизме и искусстве, об обществоведении. Спорили увлеченно лихо, отчаянно не щадя друг друга, азартно – пыль столбом. Читал одну статью – Лифшиц прав. Читал другую – Дымшиц прав. Я по наивности восхищался: какие, однако, принципиальные, какие эрудированные, с каким темпераментом отстаивают свою правоту и как беспощадно друг друга разоблачают! Должно быть, враждуют не на жизнь, а насмерть.

И вот в 70-х, кажется, годах, будучи в Москве, захожу в ресторан ЦДЛ (Центральный Дом литераторов) и вижу за столиком мирно беседующих Лифшица и Дымшица. Попивают вино. Чокаются. Закусывают. Посмеиваются. Усмехаются. Поглаживают по сторонам. Наслаждаются приятельской беседой. Не дискусанты-дуэлянты, а друзья – не разлей вода.

Они что, публику дурачат? Пыль в глаза пускают? Эффект производят? Друг друга пиарят? Неужто весь их спор, все их идейные принципы – чистый спектакль? Игра в поддавки?

Обескураженный, я поделился своим впечатлением с москвичами – завсегдатаями ЦДЛ. Они усмехнулись: «Не знаешь, для чего это делается? Прием! Весь их спор для лохов».

Открытие меня ошеломило. И я не мог больше читать ни Лифшица, ни Дымшица.

Я долгое время не мог определить, на каком языке изъясняются наши мажилисмены: на русском или казахском. Теперь уяснил: они говорят преимущественно на лакейском. В Казахстане этот язык развивается особенно бурно.

«Хабар» настойчиво внушает интерес к тому, чего нет. Главный мотив: неудержимое хвастовство. Одному удивляюсь: там, где появляется наш президент, мгновенно возникают нарядные маски в белых чепчиках, белых халатах, увешанные орденами и медалями аксакалы, дети с флажками, молодки с улыбками и банальными лозунгами на устах. И обязательно ковер – то длинный красный, то зеленый четырехугольный. Неужели президенту этот убогий спектакль не в тягость? Неужели фантазия областных акимов дальше этого не распространяется? Неужели толпе нравится роль статистов? Неужели нельзя разнообразить репертуар?

Наблюдая многие годы вблизи и вдали Нурсултана Абишевича Назарбаева, я убедился в том, что трудно, невыносимо трудно быть президентом. Попробуй столько лет постоянно держать себя в узде, в надежной физической и психологической форме, вникать в бесконечное громадьё дел – государственных, семейных (о, здесь вообще черт ногу сломит; управлять семьей, пожалуй, сложнее, чем государством) – быть все время на виду, в водовороте бесконечных ахалай-махалаев, уфит-суфитов, сталкиваться изо дня в день с сотней, тысячей людей, среди которых порядочных раз-два и обчелся, а

больше всего хитрованов, ловкачей, юркачей, коварных смутьянов, алчных корыстолюбцев, пристебаев-пристегаев, мздоимцев, вертких, двуличных, расчетливых, порочных, пройдошливых, подхалимов-подлиз, насквозь лживых и фальшивых. И все норовят что-то отщипнуть от государственной лепешки, запустить щупальца в большой карман, использовать, обхитрить, обмишугить президента. Попробуй тут не потерять голову, не свихнуться, не сбиться с праведной дорожки, не порадеть родному человечку, не наделать глупостей. А ведь ты не Бог всемогущий, не ангел безгрешный, а всего-навсего слабый человек, пенде, хоть и наделенный властью пуще ханской, умом незаурядным, талантом многогранным, харизмой неотразимой, а, повторяю, человек, рожденный женщиной, сотворенной из костей и мяса, просто-напросто одаренный разными способностями чемолганский джигит.

Узнаете ли Вы своего начальника?

Он видит свои ошибки, но ненавидит за них подчиненных.

Он примиряется с умирающим врагом лишь для того, чтобы подойти к его смертному одру и насладиться его агонией.

Он ненавидит в других то, что не досталось ему самому.

Он часто считает ниже своего достоинства то, что выше его понимания.

Он не настолько дурак, чтобы расписываться в собственной глупости.

Он удлиняет собственные извилины за счет их выпрямления.

Он уже настолько умен, что в состоянии осознать собственную глупость.

Он все меньше стал делать глупостей с годами, но качество при этом их растет.

Он от природы был немного глуповат, но ему удалось успешно развить свои задатки.

Он мелет глупости только крупного помола.

Он всю жизнь берег неприкосновенный запас ума и остался дураком.

Он постоянно жалуется на недостаток денег, но никогда не пожалуется на недостаток времени. Избыток времени его тяготит, нехватка денег угнетает, а ума недостает потратить одно на другое.

Он относит себя к сливкам общества и, судя по виду, повышенной жирности.

Он совершает глупости, потому что подчиняет свои амбиции не разуму, а эмоциям.

Он бранит себя только для того, чтобы его похвалили другие.

Он расточает похвалы только затем, чтобы извлечь потом из них выгоду.

Он агитирует за правое дело, а сам любит ходить налево.

Он неизменным был лишь в изменах.

Он решительнее всех в нерешительности и сильнее всех в слабости.

Он получает миллион тенге в год, но у него, как грибы, растут особняки стоимостью в сотни раз больше.

Он даже циклопу дает приказ смотреть в оба.

Он недобор ума компенсирует перебором наглости.

Он время от времени поступает правильно, время от времени бывает честным.

Он сама бездарность, но талантливо умеет окружить себя еще большей бездарностью.

Он имеет на руках только указательные пальцы.

Он, вынимая из подчиненных души, не становится от этого более одухотворенным.

Амангельды КЕРИМТАЕВ